

П. А. Кропоткин

Завоевание хлеба

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. А. Кропоткин**
Завоевание хлеба / П. А. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
224 с.

ISBN 978-5-458-54684-3

ISBN 978-5-458-54684-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣсколько словъ о П. А. Крапоткинѣ.

„Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточныя для общества, будутъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ—щеславіе. Итакъ, съ одной стороны, трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны, все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ бесполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда-нибудь къ уравновѣшенію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и, между прочимъ, прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физиологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа для людей просвѣщенныхъ. Какъ вы, читатель, перечисляете теперь книгу не по какому-нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для васъ скучно не посвящать чтенію каждый день известное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ. Какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ,—мѣста всѣмъ достанетъ.

„Надежда на такое время — простой арифметическій расчетъ. Время это настанетъ: тутъ расчетъ такъ же вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи 1. 2. 4. 8. 16... явятся, наконецъ, члены, которые будутъ болѣе милліоновъ или какого вамъ угодно даннаго числа“¹⁾.

Это писалъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ 1859 году.

Онъ вскорѣ долженъ былъ, какъ известно, замолчать и, какъ впоследствии оказалось, замолчать навсегда. На его мѣсто, на „славный постъ“ у насъ въ Россіи всталъ съ 70-хъ годовъ Карлъ Марксъ. Идеи же Чернышевскаго распространялись не у насъ, а у другихъ болѣе свободныхъ, европейскихъ и американскихъ, народовъ двумя не менѣе, а гораздо болѣе известными въ мірѣ, чѣмъ Чернышевскій, нашими соотечественниками: Михаиломъ Александровичемъ Бакунинимъ и Петромъ Алексѣевичемъ Крапоткинимъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ Бакунинъ пропагандировалъ среди Интернаціонала, международнаго общества рабочихъ, идеи, выраженные въ приведенной выше цитатѣ. Вслѣдствіе этой пропаганды, съ которою былъ несогласенъ Марксъ, въ сентябрѣ

¹⁾ Современникъ 1859, № 2. „Экономическая дѣятельность и законодательство“.

1872 года на гаагском конгрессе Интернациональ раскололся или, вѣрнѣе, откололся отъ него Марксъ съ вѣмцами; всѣ же остальные народности остались вѣрны идеалу Бакунина, который до самой своей смерти (въ 1876 году) дѣятельно распространялъ—хотя и не официально съ 1873 года—свои идеи въ Италіи, Испаніи и французской Швейцаріи.

Теперь, вотъ уже почти тридцать лѣтъ идеаль Чернышевскаго-Бакунина съ огромнымъ успѣхомъ проповѣдуется въ Европѣ и Америкѣ П. А. Крапоткинѣмъ, переводъ главнаго сочиненія котораго здѣсь предлагается читателю.

Дадимъ краткія свѣдѣнія о жизни автора, взятыя нами изъ его книги: „Autour d'une vie“.

Въ аристократическомъ кварталѣ Москвы, гдѣ пролегаютъ Арбатъ и Пречистенка, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ въ собственномъ домѣ, считавшій себя за потомка Рюрика, полковникъ князь Алексѣй Петровичъ Крапоткинъ, первая жена котораго была младшая дочь корпуснаго командира, генерала Сулимы. Это и были родители нашего автора, который родился въ названномъ домѣ въ 1842 году, 9-го декабря. Въ апрѣлѣ 1846 года мать П. А. умерла отъ чахотки и оставила о себѣ у крѣпостныхъ мужа своего самое хорошее воспоминаніе; они, встрѣчая братьевъ Крапоткинѣхъ, Александра и Петра, не разъ имъ говорили: „будете-ли вы такъ же добры, какъ была ваша мама? Она жалѣла васъ. Навѣрное и вы будете въ нее“. Очевидно, она была передовая женщина: послѣ ея смерти, въ ея вещахъ нашли тетради съ запрещенной русской поэзіей, стихи Ламартина, поэмы Байрона. Мужъ ея былъ самый обыкновенный помѣщикъ того времени.

На восьмомъ году жизни съ маленькимъ Петей случилось необыкновенное происшествіе, опредѣлившее на много лѣтъ его судьбу.

Въ 1850 году Николай I справлялъ въ Москвѣ двадцатипятилѣтіе своего благополучнаго царствованія. Московское дворянство устроило для него костюмированный балъ, куда вмѣсто заболѣвшаго сына Назимовой, подруги первой жены полковника, и попалъ совершенно неожиданно Петя Крапоткинъ, долженствовавшій изображать представителя царства астраханскаго. Онъ такъ понравился Николаю, что тотъ велѣлъ записать его кандидатомъ въ пажескій корпусъ. Будущій пажъ обратилъ на себя вниманіе также и брата Николая, Михаила, известнаго своимъ „солдафонствомъ“, какъ тогда выражались; онъ получилъ отъ его высочества нѣчто въ родѣ того, что Помяловскій въ своихъ *Очеркахъ Бурсы* называетъ вселескою смазкою, отъ которой оскорбленный мальчикъ заплакалъ и плакалъ до тѣхъ поръ, пока не заснулъ на рукахъ у Маріи Александровны, будущей императрицы.

Для воспитанія и обученія сыновей своихъ полковникъ Крапоткинъ пригласилъ француза Пулена и студента Смирнова, Николая Павловича, о которомъ у П. А. осталось самое хорошее воспоминаніе, какъ о просвѣтителѣ. Въ юности на П. А. не малое влияніе имѣлъ также братъ его Александръ, поступившій въ одинъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ въ 1852 году, умершій или, прямѣе, застрѣлившійся въ Сибири.

Въ августѣ 1857 года нашъ авторъ переѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ, его отдають въ пажескій корпусъ, куда онъ поступилъ въ пятый классъ, поступилъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, на пять лѣтъ.

Въ Петербургѣ, преподаватель русскаго языка (въ пажемскомъ корпусѣ) Классовскій и радикальная литература того времени сильно повлияли на автора съ одной стороны, а съ другой въ томъ же направленіи вліяла придворная жизнь, въ которой П. А. долженъ былъ принимать участіе, въ особенности послѣдній годъ пребыванія его въ корпусѣ, когда онъ сталъ камеръ-пажемъ.

Авторъ въ своихъ *Запискахъ* рассказываетъ, какъ онъ сначала былъ очарованъ Александромъ II, царемъ-освободителемъ, но вскорѣ онъ въ немъ разочаровался. 6-го января 1862 года онъ былъ дежурнымъ при императорѣ и вмѣстѣ съ нимъ былъ на, такъ-называемой, Иордани. Былъ сильный морозъ; одинъ изъ лысыхъ генераловъ, боясь простудиться, надѣлъ парикъ, который во время молебна съехалъ со своего мѣста; замѣтили это великіе князья и самъ царь и стали они все надѣ генераломъ смѣяться. Молебенъ кончился, смѣхъ прекратился и царь со всей своей свитой пошелъ домой, въ Зимній дворецъ, какъ вдругъ, прорвавшись черезъ солдатскіе ряды, съ прошеніемъ въ рукахъ мужикъ падаетъ къ ногамъ Александра II; царь на просителя не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, а также и вся его свита. Прошеніе взялъ П. А., а самъ проситель достался несомнѣнно въ руки полиціи...

Еще другой случай изъ жизни высшихъ сферъ рассказываетъ далѣе П. А. Онъ знавалъ тогда одного офицера, шведскаго происхожденія, котораго царь командировалъ въ Соединенные Штаты покупать для арміи ружья. Возвратясь въ Петербургъ онъ долженъ былъ сдѣлать докладъ о своей поѣздкѣ одному великому князю. На приемъ его высочество такъ ругалъ докладчика, что тотъ, возвратясь домой, написалъ ему письмо въ которомъ требовалъ извиненія, общая, въ противномъ случаѣ, застрѣлиться. Извиненія отъ его высочества, конечно, не послѣдовало и офицеръ въ назначенный часъ застрѣлился. Царь, вслѣдствіе этого, приговорилъ виновнаго — проводить гробъ офицера до кладбища. Былъ ли исполненъ этотъ приговоръ, — неизвѣстно.

Не желая поступать въ гвардію и не имѣя возможности, по недостатку средствъ, поступить въ университетъ, П. А. вынужденъ былъ, по окончаніи курса, поступить въ казаки и ѣхать въ Сибирь.

На прощанье онъ услышалъ отъ Александра II рѣчь, обращенную ко всему его курсу. „Поздравляю васъ, вотъ вы и офицеры“, сказалъ царь, далѣе онъ распространился объ обязанностяхъ офицера, о вѣрности государю и т. д. „Но если кто-либо изъ васъ“, отчеканивая каждый слогъ и придавая вдругъ своему лицу злое выраженіе, царь продолжалъ, „если кто-либо изъ васъ—сохрани васъ Богъ—нарушить присягу царю, престолу и отечеству—замѣтте, что я вамъ говорю — съ тѣмъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ, безъ малѣйшаго снисхожденія!“

Прибывъ въ Сибирь, авторъ поступилъ въ распоряженіе забайкальскаго губернатора Кукеля, который вскорѣ, впрочемъ, былъ уволенъ и едва не попалъ въ подневольные жильцы Петропавловской крѣпости. Сочинялись тамъ проекты разныхъ реформъ, но все они оставались безъ послѣдствій и въ этой безполезной работѣ долженъ былъ принимать участіе и нашъ авторъ, онъ былъ по этому очень радъ, когда его командировали на Амуръ, гдѣ Муравьевымъ были поселены бывшіе каторжники; по дорогѣ онъ узналъ, что сорокъ пять барокъ съ провизіей для этихъ

такъ-называемыхъ, казаковъ во время бури затонули, причемъ погибло 200 тоннъ всякой провизіи. Авторъ былъ отправленъ въ Петербургъ довести объ этомъ несчастіи правительству; въ Петербургъ никто изъ начальниковъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы тутъ не было мошенничества, и повѣрили только тогда, что то правда, когда П. А. удостовѣрилъ, что онъ самъ видѣлъ затонувшія барки. Возвратясь въ Сибирь, авторъ попалъ въ экспедицію, направлявшуюся въ Манчжурію для заведенія съ манчжурами торговыхъ сношеній. Дѣло не удалось, но, пройдя по совершенно неизвѣстному цивилизованному міру мѣстамъ, авторъ много новаго, никому неизвѣстнаго, узналъ по географіи и геологін, о чемъ онъ вскорѣ и напечаталъ въ Запискахъ сибирскаго географическаго общества, которыя во время бывшаго вскорѣ послѣ въ Иркутскѣ пожара всё сгорѣли.

Въ тѣ времена, послѣ польскаго возстанія, въ Сибирь было сослано до 11,000 поляковъ, и такъ какъ съ ними очень дурно, жестоко обходились, то они взбунтовались; усмирять ихъ были посланы казаки, тѣ казаки, къ которымъ принадлежалъ авторъ и его братъ Александръ. Поляки были усмирены и пятеро изъ нихъ казнены. Хотя братья Крапоткины и не принимали въ этомъ усмиреніи участія, но ихъ взяло раздумье о будущемъ и они оба подали въ отставку.

П. А. говоритъ въ третьей главѣ своихъ записокъ, что идея о непригодности бюрократіи и дисциплины для устройства человѣческаго благополучія зародилась въ немъ тамъ, въ Сибири, подъ впечатлѣніемъ результатовъ дѣятельности сибирской администраціи.

Въ началѣ 1867 года братья Крапоткины отправились въ Петербургъ. Осенью того же года П. А. поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета, къ великому огорченію и неудовольствію своего отца, не могшаго равнодушно видѣть статскаго платья, а потому сыну его приходилось съ тѣхъ поръ жить исключительно своимъ трудомъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ пяти лѣтъ все время его было поглощено университетскими занятіями и научными изслѣдованіями и исправленіями карты сѣверной Азіи, карты, которую Александръ Гумбольдтъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, покрылъ совершенно неправильно сѣтью горъ, идущихъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. На основаніи нѣсколькихъ сотъ барометрическихъ наблюденій прежнихъ путешественниковъ авторъ нашъ вывелъ заключеніе, что горные хребты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и доказалъ такимъ образомъ, что прежнія гипотезы совершенно не соответствовали дѣйствительности. Не могу не выписать подлинныя слова автора объ этихъ его географическихъ работахъ.

„Въ человѣческой жизни не бываетъ болѣшей радости, чѣмъ наслажденіе вдругъ увидѣть теорію, освѣщающую разумъ послѣ долготѣнныхъ терпѣливыхъ изслѣдованій. Что въ теченіи многихъ лѣтъ казалось такимъ хаотическимъ, такимъ противорѣчивымъ и загадочнымъ,—является вдругъ гармоническимъ цѣлымъ. Изъ страшной путаницы фактовъ, изъ гумана гипотезъ,—исчезающихъ тотчасъ по появленіи своемъ,—показывается величественная картина; такъ цѣпь альпійскихъ горъ внезапно показывается во всемъ своемъ великолѣпнн изъ тучъ, которыя ее покрывали минуту тому назадъ, и блистать подъ солнечными лучами во всей своей простотѣ и разнообразіи, во всемъ своемъ могуществѣ и красотѣ. А когда

теорія подвергается испытанію, когда ее примѣняютъ къ сотнямъ отдѣльных фактовъ, которые только что казались несправимо противорѣчи, выими, то каждый изъ этихъ фактовъ занимаетъ слѣдующее ему мѣсто, увеличивая тѣмъ производимый картиною эффектъ, усиливая здѣсь нѣсколько характерныхъ чертъ, прибавляя тамъ непредвидѣнную, но важную подробность. Теорія крѣпнетъ, развивается; ея основанія упрочиваются, упрочиваются, когда чрезъ густой туманъ далекаго горизонта глазъ угадываетъ очертанія новыхъ теорій, еще болѣе обширныхъ.

„Кто хотя одинъ разъ въ жизни почувствовалъ это наслажденіе научнаго творчества, тотъ никогда его не забудетъ и съ нетерпѣніемъ будетъ ждать повторенія его, и тотъ будетъ страдать при мысли, что этого рода счастье есть удѣлъ ничтожнаго числа людей, тогда какъ столько людей могли бы получить свою, малую или большую, долю этого счастья,—если бы научные методы и досугъ не были привилегіей маленькой кучки людей.

„Эту работу я считаю за мой главный вкладъ въ науку. Первоначальное намѣреніе мое было издать толстый томъ, гдѣ бы изложеніе новыхъ идей о горахъ и плоскогоріяхъ сѣверной Азіи опиралось бы на подробное изслѣдованіе каждой области. Но въ 1873 году, когда я сообразилъ, что скоро буду арестованъ, я ограничился изготовленіемъ карты, нарисованной согласно съ моими взглядами, и написалъ къ ней пояснительную записку. Карта и записка были напечатаны Географическимъ обществомъ подъ руководствомъ моего брата, въ то время, когда я уже былъ запертъ въ Петропавловской крѣпости“.

Въ то же время П. А. служилъ секретаремъ отдѣленія физической географіи Русскаго географическаго общества. Оно въ 1871 году предложило ему заняться изслѣдованіемъ слѣдовъ ледниковаго періода въ Финляндіи и Швеціи. И тутъ П. А. встрѣтился съ невѣрными взглядами ученыхъ и хотѣлъ открыть новые горизонты для геологій и физической географіи.

„Но какое право имѣю я на эти благородныя наслажденія, говорить авторъ, когда около себя я вижу только нищету, только борьбу въ-за куска заплѣсневллага хлѣба? Все, что я потрачу на дальнѣйшее пребываніе въ этомъ мірѣ нѣжныхъ эмоцій, будетъ непременно взято изо рта тѣхъ, кто выращиваетъ хлѣбъ и не имѣетъ хлѣба для своихъ дѣтей. Я долженъ буду взять у кого-нибудь изъ того, что ему необходимо, потому что сумма производства рода человѣческаго еще слишкомъ мала.

„Знаніе есть огромная сила. Нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ знанія. Но мы уже знаемъ много чего. Что будетъ, если эти познанія, и только эти познанія, сдѣлаются общимъ достояніемъ всѣхъ? Развѣ наука тогда не стала бы прогрессировать стремительно и человѣчество не стало бы подвигаться гигантскими шагами въ области производства, изобрѣтенія и общественнаго творчества съ такою быстротою, какой мы и представить себѣ теперь не можемъ?“

Такъ разсуждая и глядя на бѣдныхъ финновъ, П. А. пришелъ къ заключенію, что двигать науку и оставаться съ нею далеко отъ народа,—для человѣчества совершенно бесполезно. Такое настроеніе заставило его отказаться отъ предложеннаго ему въ это время Русскимъ географическимъ обществомъ мѣста секретаря, примкнуть къ извѣстному социалистическому кружку Чайковскаго и пойти въ народъ.

Такое настроеніе для русскаго человѣка очень понятно и мало найдется между нами, думаю, людей, которые бы рѣшились порицать автора открыто за принятое имъ, подъ вліяніемъ его, рѣшеніе; но въ Европѣ нашелся такой человѣкъ и человѣкъ этотъ—Георгъ Брандесъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ почитателей, можно сказать, поклонниковъ автора. Онъ говоритъ: „что касается до меня, то я не думаю, чтобы онъ (Крапоткинъ) былъ правъ. Съ такими идеями Пастёръ не сдѣлался бы благодѣтелемъ человѣчества. Какъ никакъ, а съ теченіемъ длиннаго ряда вѣковъ, все обращается на пользу народныхъ массъ“. Мнѣніе Г. Брандеса, очевидно, не выдерживаетъ критики: соціологія, вѣдь, тоже наука, распространеніе соціологическихъ истинъ въ народъ никакъ не меньше стоитъ, чѣмъ распространеніе естественно-научныхъ истинъ среди буржуазіи...

Весною слѣдующаго 1872 года П. А. отправился въ западную Европу и именно въ Швейцарію, гдѣ онъ рассчитывалъ ближе познакомиться съ Интернаціоналомъ, съ международнымъ обществомъ рабочихъ, о чемъ онъ уже нѣсколько лѣтъ мечталъ. Въ Цюрихѣ онъ много читалъ по этому вопросу и даже для того, чтобы лучше ознакомиться съ Интернаціоналомъ, рѣшилъ поступить на нѣсколько мѣсяцевъ въ среду рабочихъ, пожить ихъ жизнью. Русскіе друзья одобряли его и онъ, проживъ нѣсколько дней въ Цюрихѣ, отправился въ Женеву, которая была тогда однимъ изъ главныхъ очаговъ Интернаціонала. Въ Женевѣ онъ познакомился съ государственниками (autoritaires), т. е. сторонниками Маркса, они, и въ особенности Утинъ, ему не понравились. Тогда П. А. захотѣлъ познакомиться съ другою фракціею Интернаціонала. Утинъ далъ ему рекомендательную записку къ Николаю Ивановичу Жуковскому, представителю бакунистовъ, при чемъ, смотря ему прямо въ глаза, со вздохомъ сказали: „Я думаю, что вы къ намъ не вернетесь, вы останетесь съ ними“. „Онъ вѣрно угадалъ“, замѣчаетъ по этому поводу П. А.

Какое сильное впечатлѣніе произвелъ на нашего автора Интернаціоналъ въ Женевѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: „Я видѣлъ, съ какимъ пыломъ стремились рабочіе къ образованію и какъ мало было лицъ, посвятившихъ себя дѣлу помощи имъ въ пріобрѣтеніи знаній, я видѣлъ, какъ рабочая масса нуждалась въ томъ, чтобы ее поддерживали люди съ образованіемъ и досугомъ въ ихъ усиліяхъ распространить и развить организацию партіи. Но какъ рѣдки были тѣ, кто помогалъ имъ,—безъ задней мысли извлечь политическую выгоду изъ этого безсилія народа. Степнякъ говоритъ въ своей „Карьерѣ нигилиста“, что у всякаго революціонера была въ жизни минута, когда онъ былъ вынужденъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, поклясться посвятить себя дѣлу революціи. Я знаю, когда для меня была эта минута, я ее пережилъ послѣ одного митинга, когда почувствовалъ съ большей силой чѣмъ когда либо, какъ малодушны тѣ образованные люди, которые раздумываютъ посвятить ли свое умственное развитіе, свои званія, свою энергію на пользу тѣхъ, кто такъ нуждается въ этомъ развитіи, въ этой энергіи“.

Изъ Женевы П. А. отправился въ Невшатель, гдѣ тогда жилъ известный другъ Бакунина, Жамсъ Гильомъ (James Guillaume), съ которымъ путешественникъ нашъ скоро подружился. Гильомъ былъ самымъ дѣятельнымъ и, вѣроятно, самымъ образованнымъ членомъ юрской фе-

дереции; онъ былъ редакторомъ издававшейся въ Лонкѣ газеты „Bulletin de la Fédération jurassienne“. Изъ Невшателя П. А. отправился въ Сонвилья, въ страну часовщиковъ, которыхъ онъ описываетъ такъ:

„Ясность взгляда, правильность сужденія, способность рѣшать сложные общественные вопросы, что я констатировалъ у этихъ рабочихъ, главнымъ образомъ у рабочихъ среднихъ лѣтъ, произвели на меня сильное впечатлѣнiе, и я твердо убѣжденъ, что юрская федерація играла серьезную роль въ развитіи социализма и не только по причинѣ важности противоправительственныхъ и федералистическихъ идей, которыхъ она была поборницей, но и по причинѣ того выраженія, какое здравый смыслъ юрскихъ часовщиковъ придалъ этимъ идеямъ. Безъ нихъ эти понятія надолго бы еще остались въ состояніи простыхъ абстракцій“.

Здѣсь, у юрскихъ часовщиковъ, социальное міросозерцаніе П. А. уже воплотившись опредѣлилось и онъ всю свою жизнь, какъ онъ говоритъ, старался его развивать и придать ему болѣе ясную и конкретную форму.

Тутъ же въ Швейцаріи П. А. пришелъ къ идее о неизбежности революцій. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „Начиная повсюду понимать, что революція, т. е. періоды ускоренной эволюціи и быстрыхъ преобразованій, такъ же соответствуютъ природѣ человеческого общества, какъ и медленная эволюція, которая совершается въ настоящее время среди цивилизованныхъ народовъ; я также понялъ, что каждый разъ, какъ начинается время быстрой эволюціи и общественной перестройки, можетъ разразиться междоусобная война въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Вопросъ тогда не столько въ томъ, чтобы узнать, какъ избѣжать революцій, а въ томъ, чтобы найти средства какъ получить отъ нея лучшіе результаты, задерживая насколько возможно междоусобную войну, сокращая число жертвъ ея и сводя ожесточеніе съ той и другой стороны къ минимуму. Для этого имѣется только одно средство, а именно, чтобы угнетенная часть общества имѣла насколько болѣе ясную идею о намѣченной цѣли и о способахъ, какіе она хочетъ употребить, и чтобы она была проникнута энтузіазмомъ, который ей необходимъ для совершенія своего дѣла, потому что въ такомъ случаѣ она будетъ увѣрена, что привлечетъ къ себѣ лучшіе элементы, самыя здравыя умственные силы класса, владѣющаго накопленными въ прошедшемъ привилегіями“.

Проникнутый такими идеями П. А. возвращается въ Россію.

Въ Россіи въ это время хожденіе въ народъ было въ полномъ разгарѣ, кружокъ Чайковскаго дѣйствовалъ повсемѣстно и въ этотъ кружокъ ввелъ нашего автора его другъ, котораго онъ называетъ Дмитріемъ Кельницомъ; съ Чайковскимъ, впрочемъ, онъ и раньше былъ знакомъ.

Сначала П. А. хотѣлъ заняться въ своемъ хозяйствѣ Тамбовской губерніи, принять участіе въ земствѣ, но когда онъ познакомилъ друзей своихъ съ этими планами, то всѣ они единогласно пришли къ заключенію, что такой дѣятельности правительство не допуститъ.

Такъ какъ въ то время обсуждался въ кружкѣ вопросъ о томъ, какъ добыть конституцію, то П. А. предложилъ собравію, что онъ будетъ агитировать среди своихъ знакомыхъ, въ такъ называемыхъ, высшихъ сферахъ, т. е. между придворными и чинами первыхъ трехъ классовъ. Но предложеніе его не было принято кружкомъ. Кружокъ, очевидно, былъ

илого мнѣнія объ Александрѣ II, не думалъ, очевидно, чтобы приближенные могли уговорить его дать конституцію; но еще мирная, безъ царевубійства, революція считалась возможною, и А. П. вспоминаетъ, какъ та самая молодежь, которая отъ 1871 до 1878 года отстаивала жизнь царя во время преній, на собраніяхъ, ссылалась имъ на каторгу и въ далекую ссылку. Дѣло шло теперь не о просвѣщеніи неграмотныхъ, невѣжественныхъ крестьянъ и рабочихъ, какъ было прежде, а объ организаціи среди нихъ большаго социалстическаго движенія.

Такъ, за пропагандой среди ткачей и иныхъ рабочихъ, П. А. провель въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ, постоянно встрѣчаясь съ другими членами кружка, съ Перовской, Кравчинскимъ, Сердюковымъ, тремя сестрами Корниловыми и другими. Между ткачами оказалось два шпіона; они указали его на улицѣ полиціи, которая заточила П. А. въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и пробыль около двухъ лѣтъ; первые пятнадцать мѣсяцевъ онъ провель въ совершенномъ одиночествѣ; затѣмъ въ крѣпость были привезены Сердюковъ и многіе другіе пропагандисты, съ которыми П. А. и завель сношенія. Но, несмотря на улучшеніе его положенія въ этомъ отношеніи, сырость, темнота каземата и постоянный крикъ сумасшедшаго крестьянина, арестованнаго за то, что слушалъ пропагандиста, сдѣлали свое дѣло и П. А. сильно заболѣлъ. Для леченія онъ былъ переведенъ въ Николаевскій военный госпиталь, гдѣ пролечился нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ бѣжалъ при помощи доктора О. Э. Веймара и другихъ друзей.

Бѣгство это подробно описано Степякомъ въ его *Подпольной Россіи* со словъ самого бѣглеца. То было 30-го іюня, въ 1876 году, а черезъ нѣсколько дней А. П. уже былъ за границей, черезъ Швецію и Норвегію ухалъ въ Шотландію, въ Гулль, откуда онъ отправился въ Эдинбургъ и сталъ искать тамъ себѣ работы.

Поживъ тамъ нѣсколько недѣль, П. А. переѣзжаетъ въ Лондонъ, трудничаетъ въ англійскомъ журналѣ „Nature“ и въ газетѣ „Times“, сообщая туда разныя новости изъ Россіи по части географіи, а такъ какъ въ Лондонѣ жить было тогда скучно, то П. А., взявъ работу по географіи, ухалъ въ Швейцарію, — въ г. Шо-де-Фонъ, гдѣ и порѣшилъ остаться на болѣе или менѣе долгое время; возвращаться въ Россію, гдѣ должна была начаться террористическая дятельность революціонеровъ, которой нашъ авторъ не сочувствовалъ, онъ раздумалъ.

Здѣсь, среди часовщиковъ, въ обществѣ коммунаровъ (Поль Бруссъ, Лефрансэ, Пянди, Элизэ Реклю) и русскихъ эмигрантовъ (Жуковский, Соколовъ) за работой по изданію известной газеты „Bulletin de la Fédération, jurassienne“ и за устной пропагандой, П. А. очѣнь приятно проводилъ время. О своихъ тогдашнихъ мысляхъ вотъ что говоритъ намъ авторъ. „Никто изъ насъ не скрывалъ отъ себя важности и глубины предлагаемой нами перемѣны. Мы понимали, что ходячія мнѣнія, — на основаніи которыхъ частная собственность земли, фабрикъ, рудниковъ, жилыхъ домовъ и пр. нужна для промышленнаго прогресса, а наемный трудъ необходимъ, чтобъ заставить людей работать, — не скоро еще уступить мѣсто болѣе высокимъ воззрѣніямъ на обобщественныя собственность и производство. Мы знали, что намъ надо будетъ пережить долгій періодъ непрекращающейся пропаганды и постоянной борьбы, отдѣльныхъ

и коллективных возстаній противъ настоящихъ формъ собственности, личныхъ жертвъ, частичныхъ попытокъ, частичныхъ реорганизация и революцій, равнше чѣмъ ходячія идеи о частной собственности измѣняются. И мы понимали также, что человечество не откажется, да и не можетъ вдругъ отказаться, отъ теперешнихъ идей относительно необходимости власти. среди которыхъ мы выросли. Долгіе годы пропаганда и длинный рядъ частичныхъ возстаній противъ власти, а также полный пересмотръ учений, выведенныхъ въ настоящее время изъ исторіи, будутъ необходимы, прежде чѣмъ люди поймутъ, что они ошибались, приписывая своимъ управителямъ и ихъ законамъ, что въ дѣйствительности было только результатомъ ихъ собственныхъ общественныхъ привычекъ и чувствъ. Мы все это знали. Но мы знали также, что, разъ мы будемъ проповѣдывать преобразование въ этихъ двухъ направленіяхъ, настъ повесеть теченіе. движущагося по направленію прогресса. человечества. Мы шли по теченію, а не противъ*.

Въ февралѣ 1879 года нашъ авторъ начинаетъ издавать газету „Le Révolté“; газета имѣла довольно большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ гильомовскимъ „бюллетенемъ“. Это изданіе со временемъ было перенесено въ Парижъ, гдѣ долго выходило подъ именемъ „Temps Nouveaux“. Нѣкоторыя напечатанныя въ этой газетѣ статьи автора были впоследствии изданы Реклю подъ названіемъ „Paroles d'un Révolté“.

Самое лучшее, что онъ написалъ для „Révolté“ это, по мнѣнію самого автора, воззваніе „Aux Jeunes Gens“. Написано оно въ Кларанъ въ началѣ весны 1880 года.

Вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 года въ Петербургъ былъ основанъ изъ очень высоко поставленныхъ особъ священный союзъ, цѣлю котораго было уничтожать эмигрантовъ, которые, по мнѣнію этихъ особъ, живя за предѣлами досягаемости, распоряжаются политическими убійствами въ Россіи. Въ числѣ приговоренныхъ былъ и нашъ авторъ. Онъ заблаговременно узналъ о припадѣ одной дамы изъ Петербурга въ Женеву для исполненія этого приговора и принялъ свои мѣры. А ранѣ этого авторъ былъ высланъ, по требованію Петербургскаго правительства, изъ Швейцаріи, и принимать мѣры противъ покушенія надо было уже во Франціи, въ Тононѣ, на французскомъ берегу Женеваго озера. Здѣсь Крапоткины, онъ и его жена, прожили до ноября, а затѣмъ отправились въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ они провели около года. П. А. ѣздилъ по городамъ, въ Нью-Кестль, Глазго, Единбургъ, и говорилъ рѣчи о русскихъ дѣлахъ, при восторженныхъ крикахъ толпы. Но тамъ, въ Англии, Крапоткинымъ стало скучно и они не разъ другу говорили: „Ужъ лучше французская тюрьма, чѣмъ эта могила!“ И они поѣхали обратно въ Тононъ, гдѣ недолго жили, такъ какъ П. А. былъ привлеченъ къ отвѣтственности за то, что состоялъ членомъ Интернаціонала.

У одного очень умнаго, но малограмотнаго рабочаго, — который теперь всѣмъ извѣстный писатель, — было найдено полиціей письмо Крапоткина о разныхъ грамматическихъ правилахъ, которое прокуроръ прочелъ суду и прибавилъ къ нему слѣдующія комментаріи:

„Вы слышали чтеніе этого письма? Слышали вы его, господа? На первый взглядъ въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Онъ даетъ урокъ

грамматики рабочему... Но—и тутъ голосъ его дрожалъ отъ сильнаго волненія,—это не въ цѣляхъ пополненія образованія несчастнаго рабочаго, образованія, приобрести которое, бывши въ школѣ, тотъ вѣроятно по лѣности, пренебрегъ. Это не для того, чтобъ помочь ему честно, зарабатывать хлѣбъ... Итъ, господа! Это письмо было написано, чтобы внушить ему ненависть къ нашимъ великимъ и прекраснымъ учрежденіямъ, чтобы лучше вприсутствіи въ него ядъ анархій, чтобъ сдѣлать изъ него врага общества, врага тѣмъ болѣе страшнаго... Да будетъ проклятъ тотъ день, когда Крапоткинъ ступилъ на французскую землю!"

Подсудимые.—П. А. судился вмѣстѣ съ 59 французами,—едва могли удержаться отъ смѣха, судьи недоумѣвающе смотрѣли, а прокуроръ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, онъ старался и этимъ стараніемъ приобрести себѣ орденъ „святыя“ Анны. П. А. былъ приговоренъ въ центральную тюрьму на пять лѣтъ.

Вся пресса, кромѣ правительственной, была возмущена этимъ приговоромъ. „Journal des Economistes“, органъ умѣренный, открыто порицалъ этотъ приговоръ, который не возможно было, судя по предъявленнымъ на судѣ фактамъ, предвидѣть.

Черезъ три года всѣмъ осужденнымъ, вслѣдствіе требованій палаты, была дана амнистія.

Последніе годы авторъ жилъ обыкновенно въ Англии, гдѣ въ большихъ городахъ читалъ публичныя лекціи о своемъ общественномъ идеалѣ и имѣлъ весьма большой успѣхъ. Онъ тоже много писалъ.

Въ 1892 году вышло въ трехъ изданіяхъ въ Парижѣ его *La société du pain* и затѣмъ было еще четыре.

Въ „Nineteenth Century“, какъ дополненіе къ дарвиновой теоріи, его „Mutual aid among Animals, among Savages, among Barbarians, in the Mediaeval City and among ourselves“ и „Fields, Factories and Workshops“¹⁾. „L'anarchie dans l'évolution socialiste“, „La grande Révolution“, „In russian and french prisons“, „La morale anarchiste“, „Memoirs of a Revolutionist“, и въ самое последнее время: „Russian Litterature“—это 9 лекцій, читанныхъ въ Бостонѣ о русской литературѣ.

Извѣстный иапеш читающей публикѣ и хорошо знакомый съ нашимъ авторомъ, Георгъ Брандесъ такъ кончаетъ свое предисловіе къ французскому переводу его „Autour d'une vie“.

„Этотъ человекъ—воплощенная простота. Въ отношеніи характера онъ можетъ выдержать сравненіе со всѣми, кто боролся за свободу. Никто не былъ безкорыстенъ его, никто не любилъ человѣчество болѣе его. Но онъ не позволялъ бы мнѣ написать на заглавномъ листѣ его книги все то доброе, что я о немъ думаю, а еслибъ я это сдѣлалъ, то я превзошелъ бы предѣлы благоразумнаго предисловія“.

На этомъ и мы кончимъ наше предисловіе.

Алексій Тверитиновъ.

---

¹⁾ Эти оба труда переведены по-русски.